

Источник: Невское время (Санкт-Петербург)

Дата выпуска: 24.11.2007

Номер выпуска: 209

Заглавие: Большие витрины - большие жильцы

"НВ" продолжает серию публикаций о знаменитых домах Петербурга и тех, кто их населял. Сегодня наш рассказ - о доме Калержи на Невском, 12.

Калержи - или Калергис - занятная фамилия... Греческая. Дом N 12 по Невскому проспекту носит именно ее. И можно было бы подумать, что им владел мужчина, серьезный делец и дальновидный политик, Иван Калержи, именовавший себя не иначе как "Генеральным консулом семи греческих островов", но - нет. Владелицей была женщина, его жена, Мария Калержи, которой здание вместе с миллионом золотых рублей перешло в качестве свадебного подарка от "консула". О, она была одной из красивейших и интереснейших женщин XIX века!..

Но - по порядку.

То, что мы видим на участке N 12 по Невскому - с витринами Kenzo и Max Mara, - было выстроено в 1910 году архитектором Вильгельмом Ивановичем Ван дер Гюхтом для коммерческого банка "Юнгер и Ко" и признано историками архитектуры одним из наиболее неудачных проектов той эпохи, хотя, в принципе, Ван дер Гюхт всего лишь перестроил фасад бывшего здесь старого здания в неоклассическом стиле: огромные окна, колонны, статуи, орнамент - все это украшает, как и красный шведский гранит, облицовывающий стены. В общем и целом ничего такого уж страшного: очередной банк, которых в этом месте пруд пруди. Ведь до него здание было еще более "обычным", по крайней мере для Невского: "классика" с пилястрами. Сначала им владела Елизавета Васильевна Толстая, которая продала дом портных дел мастеру Гейдеману. Именно у Гейдемана перекупил его Калержи и подарил своей невесте Марии, дочери генерала Фридриха Карла Нессельроде, героя Бородинского сражения, племянника канцлера Российской империи Карла Васильевича Нессельроде. Предки рода Калержи упоминаются еще в венецианских хрониках XIV века, затем перемещаются на ПМЖ в Грецию, и только в XVIII веке - в Россию. Иван Калержи, "магистр пшеницы и сальных свечей", экспортировавший эти чисто русские товары в Турцию и Италию, сколотил себе огромное состояние. И в своем доме на Невском давал невероятные по пышности балы, устраивал официальные приемы. Весьма неглупый человек, боровшийся политическими и экономическими методами за освобождение Греции от турецкого ига, с женьбой, конечно, напортачил: 17-летняя красавица, виртуозная пианистка, которую интересовали исключительно интриги и мужчины, и он - сорокашестилетний банкир. Конечно, "старик Калержи" вовсе не мечтал о том, что супруга страстно в него влюбится и станет проводить вместе с ним все свое свободное время - нет, разумеется. Но он надеялся, что она просто позволит ему находиться с ней рядом и выполнять все ее прихоти. Этого не

случилось: Мария хотя и взяла при венчании фамилию мужа, довольно быстро с ним "разобралась" и в кратчайшие сроки уехала в Париж.

Временами она "накатывала" в Петербург, всегда останавливалась в своем доме и уточняла все слухи, которые доносились о ней и двух ее ближайших подругах из-за границы. Да, она вместе с Надеждой Нарышкиной и своей родственницей Лидией Нессельроде действительно устроили на улице Анжу в ее доме N 8 нечто вроде любовного салона, в котором "вели бесконечное соблазнение разнообразных поэтов и музыкантов". Именно в этом самом "салоне" еще одна близкая приятельница Марии, Лидия Закревская, познакомилась с Александром Дюма-младшим, а потом долгое время любовники жили у нее, скрываясь от супруга Лидии, Дмитрия Нессельроде. Да, она действительно любимая ученица Шопена и Листа. "Она играла как никто, - говорил Лист, от которого похвалы удостоились только Паганини и Мария Калержи. - Кому довелось слушать ее, тот, конечно, этого не забудет, потому что это была не игра, но единственное в своем роде воссоздание творчества". Да, она выполняла кое-какие тайные поручения русского двора, то есть, попросту говоря, работала шпионкой: передавала информацию о тайных замыслах правительства Луи-Филиппа своему дяде, канцлеру Нессельроде. Да, несколько лет ее ближайшим другом и любовником был граф Моле, министр иностранных дел в правительстве Луи-Филиппа. Да, именно о ней написал Виктор Гюго в своей "Истории одного преступления":

"Когда Париж покрылся в 1852 году баррикадами и по приказу Бонапарта по всему городу производились аресты, одни лишь окна Елисейского дворца оставались всю ночь освещенными. Редкие прохожие наблюдали мелькавшие в окнах "привидения преступления". Среди них - женщины. Одна из них, Калержи, была русская - высокая, белокурая, веселая... бесконечно обольстительная и отчаянная женщина". Да, не только Гюго, но и Теофиль Готье, и Генрих Гейне, и несчастный польский гений Циприан Норвид воспевали Марию в своих стихах. Все это правда.

Как и то, что через несколько лет бурной интриганской деятельности Мария вдруг остепенилась и полностью предалась музыке и благотворительности. Польские эмигранты получали от нее серьезную финансовую помощь, а когда концертные выступления Рихарда Вагнера в Париже в 1840 году закончились грандиозным провалом, она все убытки переписала на свой счет. Эта "немка по происхождению, гречанка по мужу, русская по воспитанию, полька по национальности матери и влечению сердца" в конце концов вышла замуж за С. Муханова - героя обороны Севастополя 1854-1855 годов, назначенного директором варшавских театров. Но вскоре тяжелый ревматизм приковал пианистку к постели, и в возрасте 52 лет она скончалась. Когда до Листа дошла весть о ее безвременной смерти, он устроил в Веймаре грандиозный концерт, где впервые исполнил посвященную Марии Калержи сонату.

Кроме этой уникальной женщины в доме N 12 по Невскому проживал также военный губернатор Петербурга, герой наполеоновских сражений генерал Милорадович, о котором Герцен написал так: "...храбрый, блестящий, лихой, беззаботный, десять

раз выкупленный Александром из долгов, волокита, мот, болтун, любезнейший в мире человек, идол солдат, управлявший несколько лет Петербургом, не зная ни одного закона..." Он занимал весь верхний этаж, и его квартира была фантастически обставлена - статуи, картины, ковры, драгоценные вазы, безумные драпировки... Говорили, будто бы все это наворовано, но исков к Милорадовичу никто не предъявлял...

Вот такой дом N 12 по Невскому: большие витрины и великие люди.

Рандеву Льва Сидоровского